

**приморск
партизан**

Олег Кашин
Приморские партизаны

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18324682
ISBN 9785447468514*

Аннотация

История «приморских партизан», потрясшая Россию нулевых, до сих пор остается неразгаданной. А что если никакой банды не было и череда трагических случайностей легла на непредсказуемую российскую реальность? Новая конспирологическая фантазия от Олега Кашина, российского журналиста и политического активиста.

Содержание

«А куртку внук будет донашивать»	5
Приморские партизаны	7
1	9
2	10
3	11
4	13
5	14
6	16
7	17
8	18
9	20
10	21
11	23
12	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Приморские партизаны

Повесть

Олег Кашин

© Олег Кашин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«А куртку внук будет донашивать» (О книге Олега Кашина «Приморские партизаны»)

Сергей Смирнов, главный редактор издания «Медиазона»

Смерть пятимесячного Умарали Назарова, сына таджикских трудовых мигрантов, вызвала, как было принято говорить лет десять назад, широкий общественный резонанс. Его мать забрали в полицию за нарушение миграционного законодательства, полицейские мальчика забрали. Правда, они говорят, что быстро отдали врачам, и он умер. То есть полицейские ни при чем, так вышло.

На самом деле никакого настоящего резонанса снизу в России уже быть не может, за этим стараются следить. Тем более тут история приезжего. Это, конечно, дало повод части гражданского общества, критически настроенной к власти, сделать вывод, что вся дикость ситуации заключается в том, что это была семья мигрантов, и поэтому к ней так отнеслись.

Разумеется, это не так. Речь здесь идет не о происхождении, а о социальном статусе. Действительно, мигранты в данном случае относились к группе риска, но прежде всего, потому что за них не было кому заступиться.

По России похожие случаи происходят постоянно, люди умирают в полиции. Как правило, они как раз из той самой группы риска – за них некому заступиться. Поэтому полицейские ничего и не боятся, у них ведь всего лишь один страх – перед начальством.

Почему люди умирают в полиции? Причин несколько, прежде всего это пытки. Каждую неделю в России судят полицейских за избиения задержанных. Если их так часто судят, то можно с большой долей вероятности предположить, что гораздо больше силовиков избегают наказания. Но это не только насилие. Полицейским часто просто наплевать на задержанных, люди умирают без врачебной помощи. Алкоголики и наркоманы – они вот в самой-самой группе риска. К тому же их смерть так легко оправдать: сами виноваты. Поэтому полицейские и не вызывают врачей, мало ли кто у них там в обезьяннике кричит.

Предпринимались, конечно, попытки что-то сделать с этой волной смертей в ОВД, громкой историей стало расследование по делу ОВД «Дальний» в Казани. Вот там действительно был широкий общественный резонанс, безусловно, инициированный из Москвы. Со всеми подробностями, в том числе с бутылкой шампанского, которой полицейские пытали несчастного задержанного, впоследствии скончавшегося. Понятно, что громкое расследование было нужно Москве и тогдашнему президенту Медведеву, чтобы попытаться запустить реформу полиции. Она в итоге провалилась, но он хотя бы пытался.

Этот эпизод с пыткой в ОВД «Дальний» есть и в книге, Кашин моделирует ситуацию, что бы произошло, если потерпевший с бутылкой шампанского в заднем проходе остался бы жив. Да ничего хорошего бы не произошло с ним, вот в чем проблема. Сам виноват.

Как бороться против полицейского насилия? К сожалению, самый действенный способ избежать пыток в полиции – это позвонить другому силовику. Чуть менее действенный способ – говорить о возможном широком общественном резонансе. То есть с правозащит-

никами, прессой. Этому полицейские могут опасаться, особенно в регионах. В конце концов, в центре не любят скандалы на местах.

В противном случае шансы на успех невелики. Можно пытаться самому бороться с полицейской системой, но здесь высокие риски. Архангельский юрист Андрей Креков шел вечером домой, полицейские его остановили, был конец месяца и им надо было выполнить план по задержанным. Он возражал – спешил к жене и дочери. Его забрали в полицию, он стал еще сильнее возмущаться. На утро врач насчитал на его теле 60 повреждений. Но в итоге именно он сейчас сидит в колонии-поселении, он получил по решению суда срок 2 года 9 месяцев. Якобы скованный наручниками по рукам и ногам он укусил полицейского за бедро и оставил рану 1 см на 1 мм. Ровную, такой от зубов не бывает. А сел он в тюрьму только потому, что попытался добиться справедливости и посадить избивавших его полицейских.

За что людей убивают в полиции? Это неясно, это вообще не очень объяснимо. Родственники погибших растеряны. Мать мужчины, которого до смерти запытали в отделе полиции беспокоилась, потому что ей не отдавали вещи сына. «Тренировочные штаны, это ладно, они старые. А вот куртка хорошая, пусть нам куртку отдадут, внук будет донашивать», – плакала она по телефону. Ну понятно же, из какой социальной группы погибший – поэтому он был в зоне риска. Обычный русский парень из далекого Забайкалья, в том самом районе, где нету работы.

Конечно, появление приморских партизан, которые декларировали вооруженную борьбу с полицейским произволом, выглядит с одной стороны случайностью – люди из группы риска, как правило, не берут в руки оружия. С другой стороны, это рано или поздно должно было произойти. И пусть даже приморские партизаны это легенда, все равно их будут вспоминать как символ, неважно, были ли они теми, за кого себя выдавали.

Рано или поздно у это вялотекущей гражданской войны будет продолжение. Олег предлагает один из сценариев, на самом деле призывая подумать, как бы эту необъявленную войну закончить.

Приморские партизаны

Вместо предисловия: Русская Эбола

Россию охватила странная эпидемия. По всей стране бушует какая-то загадочная болезнь, и сообщения об очередном летальном исходе уже не удивляют. При эпидемиях так бывает всегда; смерть одного – трагедия, смерть многих – статистика.

Вот подряд, наугад новости за январь и февраль 2015 года:

– Медвежьегорск, Карелия, 3 января. Мужчина, возраст не указан, в протоколе написано, что пьяный. Задержан, доставлен в отделение, умер;

– Барнаул, 4 января. Мужчина, 37 лет. Написано, что пьяный. В отделении мужчине стало плохо, он умер;

– Петербург, 9 января. Женищина, 33 года. У женищины дома громко играла музыка, соседи вызвали полицию, полиция приехала и забрала женищину, в отделении женищине стало плохо, и она умерла;

– Холмск Сахалинской области, 14 января. Мужчина, 33 года, административное задержание, помещен в изолятор, найден мертвым. В протоколе написано, что повесился;

– Рязань, 15 января. Мужчина, 45 лет. Написано, что пьяный. Задержан, доставлен в отделение. В отделении начал издавать хрипы, умер;

– Киров, 16 января. Мужчина, 34 года. Задержан и доставлен в полицию для проверки на причастность к краже. Почувствовал себя плохо, умер;

– Петропавловск-Камчатский, 26 января. Мужчина, 45 лет. Доставлен в краевой наркологический диспансер, оттуда зачем-то (пишут, что «вел себя неадекватно и агрессивно») увезли в дежурную часть краевого УМВД. Помещен в камеру, в ней же и обнаружен мертвым;

– Березовский район Ханты-Мансийского округа, 27 января. Мужчина, 51 год. Написано, что пьяный. Доставлен в полицию, почувствовал себя плохо, умер;

– Челябинск, 2 февраля. Мужчина, 51 год. Задержан по подозрению в краже в супермаркете. Доставлен в ОВЛ Аргаяшского района, там неожиданно почувствовал себя плохо. Умер;

– Магнитогорск, 3 февраля. Мужчина, 64 года. Вызван в полицию в качестве свидетеля по делу о хищении горючего. Почувствовал себя плохо, умер;

– Краснодар, 4 февраля. Мужчина, 32 года. Написано, что пьяный. Доставлен в отделение, помещен в камеру, ночью стало плохо, умер;

– Краснодарский край, станция Павловская, 8 февраля. Мужчина, 33 года. Задержан за правонарушение (не уточняется). В отделении стало плохо, умер;

– Хабаровск, 8 февраля. Мужчина, 44 года. Задержан за распитие спиртного, доставлен в отделение, во время составления протокола почувствовал себя плохо. Умер;

– Кострома, 9 февраля. Мужчина, 18 лет. Задержан за мелкое хулиганство, доставлен в отделение, там же и умер;

– Ростов-на-Дону, 9 февраля. Мужчина, 39 лет. Доставлен в полицию для опроса по заявлению о взломе двери. Умер;

– Киров, 11 февраля. Женищина, 54 года, задержана за мелкое хулиганство. В отделении почувствовала себя плохо, умерла;

– Бийск, 12 февраля. Женищина, 61 год. Задержана по подозрению в мошенничестве. Стало плохо, умерла;

– Москва, 16 февраля. Мужчина, возраст не указан. Задержан при попытке похитить платежный терминал в магазине. Плохо стало прямо во время задержания, умер по дороге в больницу.

Это то, что гуглится с первой попытки. Со второй нагуглится еще больше. Люди в отделениях полиции умирают каждый день. Как и во всякой эпидемии, описания смерти абсолютно однотипны. Человеку становится плохо, полицейские вызывают врачей, а сами пытаются оказать помощь, но тщетно, врачи приезжают уже к трупу. И еще в каждом сообщении есть обязательная фраза – «по факту смерти проводится проверка». Фраза обязательная, но на самом деле именно что необязательная, дежурная – проверка-то проводится, но, как правило, никто не слышал о том, что они там напроверяли.

Иногда удается поставить диагноз, почему-то очень часто звучит тромбоз легочной артерии, или просто сердечная недостаточность. Людям и в самом деле часто, очень часто становится плохо с сердцем, и по теории вероятности логично, что сколько-то из носителей сердечной недостаточности по несчастливому стечению обстоятельств в момент неизбежной смерти оказываются в полиции. Но не каждый же день!

Стоит, между прочим, иметь в виду, что, если смерть вдруг запаздывает, человек успевает доехать до дома или до врачей и рассказать, откуда именно у него взялись неожиданные проблемы со здоровьем. Так случилось 26 января в Белгороде, где задержанный и потом отпущенный гражданин успел рассказать врачам, что в полиции его избивали, и только после этого умер. Его избили в полиции, и после этого он умер – сенсация, правда? Вы удивлены?

Десятки моих соотечественников в течение двух неполных месяцев (если считать годы, то будут сотни) оказались объединены одной общей судьбой – задержан, доставлен в отделение, внезапно почувствовал себя плохо, умер. Такая вот русская Эбола, смертельная болезнь, ежедневно утаскивающая на тот свет самых разных людей, мужчин и женщин, молодых и старых. Каждый день или почти каждый день в России кто-то внезапно умирает в отделении полиции. Это нормально?

Я не берусь утверждать, что в каждом из этих десятков случаев речь идет о смерти в результате физического воздействия со стороны полицейских, но я не верю, что полицейские участки обладают каким-то загадочным мистическим качеством, обеспечивающим повышенную смертность от тромбозов и инфарктов именно в этих стенах. Если новости каждый день приносят внезапную смерть в полицейском участке, то речь действительно идет о какой-то странной эпидемии, нуждающейся в точном выяснении ее причин, локализации и эффективной борьбы с нею. Это менее интересно, чем Донбасс, это не вызовет бурных обсуждений в социальных сетях, да и скучно читать заунывно повторяющиеся одинаковые истории – «Умер, умер, умер». Но вы уверены, что умирать всегда будет кто-то другой, не вы? Я по поводу себя совсем не уверен, и я боюсь этой эпидемии, и хочу, чтобы все ее боялись, потому что она страшная, и ее нужно остановить.

1

Он опоздал на похороны отца.

Аэропорт пятьдесят какого-то года постройки, времен великой дружбы, непропорционально большой для маленького областного центра, десятиугольная ротонда, и под потолком статуи каких-то колхозниц с отбитыми носами. Под статуями стоячее кафе, пластмассовые стаканчики, чай в пакетиках, и можно курить, и Химич курил, злился на себя. Командировки самое частое дважды в год, ездить ему нравилось, но посылали редко, а тут повезло; он всегда говорил, что если уж ездить, то только в такие места, куда по доброй воле и за свои деньги никогда не поедешь. Какие-то безумные степи у границы, сопка, и на сопке городок из одних пятиэтажек, только приехал – позвонила мама, и он, конечно, сразу сказал, что вылетает, но до аэропорта восемь часов на такси, и до Москвы семь часов, а от Москвы хоть и полтора часа, но стыковка неудобная, десять часов между рейсами. Мама спрашивала, не обидится ли он, что похоронят без него, и пришлось ответить, что нет, не обидится; будущее время служило страховкой от заведомой лжи, и, стоя над своим пластмассовым стаканчиком, он думал, что сам не знает, обидится ли он на кого-нибудь завтра или послезавтра, когда прилетит. Сейчас он просто злился.

Отца хоронили сейчас. Он посмотрел в интернете – 5708 километров по прямой или 7467 по трассе, точка А и точка Б. В точке А закапывали отца, в точке Б посреди дурацкой ротонды под статуями стоял сын. Водки взял в самолете, три маленькие бутылки, очень маленькие – он называл их детскими, хотя знал слово «чекушка». Выпил, выпил и выпил – три раза подряд. Надо было думать об отце, и он честно закрыл глаза, пытаясь объяснить себе, как и когда симпатичный мужик из детства превратился в унылого пенсионера, с которым Химич, впрочем, знаком были только заочно – уехал в Москву, родителей сначала пытался навещать, но быстро плюнул, потому что и разговоры все не о том, и нервов жалко, и вообще ничего интересного; куда все девается? Понять не смог, заснул.

Через сутки он встанет у холмика с фотографией, один – маму попросил сидеть дома, она не спорила. Ее «Ты не обидишься?» звучало теперь как «Ты не обидишься на отца?» – оказалось, что здесь, перед фотографией, хочется обижаться именно на него, даже не на себя. Мама, когда позвонила, сказала просто – «умер», а тут, оказалось, почти самоубийство. На самоубийц можно обижаться?

2

Родители ссорились всегда, и он думал, что хорошо представляет себе, как это происходит – слово за слово, ну, понятно. Из безусловно нового тут было только ружье, то есть само-то ружье старое, из детства, но как субъект ссоры с мамой – раньше такого все-таки не было никогда.

Называть отца охотником – это всегда было несерьезно, просто когда-то за компанию с сослуживцами несколько раз ходил, понравилось, достал где-то ружье, но больше, чем о ружье, разговоров было о сейфе, в котором ружье было положено хранить. Покупку сейфа отец как-то сразу посчитал ниже своего достоинства и сделал сейф сам – приварил петли к старому холодильнику, навесил замок, инспекция удивилась, но не возражала, и, кажется, вся охота на этом и закончилась, только когда приходили гости, отец, даже если они давно были в курсе, каждый раз спрашивал, показывая на холодильник – мол, что это такое. Гости все правильно понимали и отвечали «холодильник», и отец торжествовал, говорил, что нет, на самом деле это сейф, и прежде чем гостей приглашали к столу, они должны были поудивляться – надо же, сейф, а выглядит совсем как холодильник. Отцу нравилось, когда удивляются.

И в то утро – слово за слово, и отец открыл сейф. Мама сказала – «Мне уйти?» – и отец, размахивая ружьем, ответил, что да, уходи. А ей и так надо было в магазин, она оделась и ушла, а участкового вызвала (и потом плакала на похоронах и просила прощения) соседка. Участковый пришел раньше мамы. «Откройте» – «Не открою» – «Откройте, милиция» – «Ебал я вашу милицию». Участковый кулаком в дверь – бум, бум. Отец из ружья выше косяка в стену над дверью – ба-бах. Вот это, как потом оказалось, и было самоубийство, то есть отец, конечно, стрелял не в себя, а получилось, что в себя, потому что участковый спустился на улицу, звонил кому-то, и через десять, что ли, минут в подъезде появились омоновцы, пожарные, аварийка, которая сразу же перекрыла газ, и электрик, который выключил в подъезде свет. Толпились на лестнице час, иногда стучали в дверь – уже омоновцы, не участковый. «Открой!» – «Не открою».

Потом пришла из магазина мама, ее домой уже не пустили, потому что дома вооруженный психопат. Да какой психопат, муж же мой, – нет, милиции виднее. Разрешили позвонить, и рядом уже стояла милицейский психолог, прижималась к маминому уху, шептала – «скажите, чтобы гарантировал, что не будет стрелять». Мама повторяла – «Гарантируй, гарантируй», отец в ответ ругался, но не стрелять пообещал. К двери маму уже подвели двое в камуфляже, постучали сами, но «Открой» сказала мама. Отец не открыл, и те двое маму отодвинули в сторону, выбили дверь и убежали куда-то вглубь квартиры, за ними шагнул участковый, а маму за рукав держала психолог – «Подождите, подождите».

Труп отца вынесли из квартиры через минуту. Через полчаса снова включили газ и свет, все закончилось.

3

Поминать отца позвал Шишу – единственный на курсе, у кого десять лет назад уже был мобильный, и его номер у Химича остался с тех еще времен, больше никого не было. Шиша работал в порту каким-то средним начальником, и это было понятно еще в институте, что он будет начальником, потому что у Шиши в порту начальником был отец, а в таких ситуациях выбирать работу, как правило, не нужно. Шиша был хороший, только покойного он не знал вообще, не видел даже никогда, поэтому поминали очень условно – пили не чокаясь, но говорили о чем-то другом, рассказывали друг другу о жизни, об отце вообще ни слова. Но логика поминок – она сильнее, и, хотя оба не планировали, с Шишей пришлось выпивать и на следующий вечер, и в этот раз уже о погибшем отце говорили оба, и Шише было даже интереснее, потому что за эти сутки отец Химича стал и для Шиши если не героем, то, по крайней мере, важной личностью.

Потому что в эти сутки Шишу забрали в милицию – оба садились в такси, Химич успел, а Шиша нет, подошли двое, спросили документы – о, да вы пьяный, давайте-ка с нами. Посадили в машину, в машине же разбили лицо, потом привезли, Шиша знал это место, в Октябрьское ОВД, но завели не с главного входа, а сбоку – и это оказался вытрезвитель. Раздели до трусов, отвели в камеру, которая – и Шишу это особенно возмутило, – у них официально называется палатой, и в палате было еще человек двадцать таких же случайных узников в разных трусах, а посередине стояло красное пластмассовое ведро с хлоркой – параша!

Шиша спать не хотел, попытался заговорить с кем-нибудь, но быстро сорвался, закричал «Менты сосут», и запертая дверь вдруг зашевелилась, зашел тот дежурный, который заставлял Шишу раздеваться – «Кто тут хочет отсосать, ты?» – взял Шишу за локоть и потащил к двери, и тут стало страшно, но только на секунду, потому что дежурного кто-то остановил, тоже человек в трусах – «Капитан, не надо, пожалуйста», – и капитан почему-то остановился, Шиша видел, как он растерялся – человеку сказали «не надо», и человек задумался – может быть, действительно не надо? Толкнул Шишу и вышел из палаты один. Шиша лег и заснул.

Утром надо было заплатить двести рублей за услуги, но оказалось, что платить нечем, потому что вместо бумажника в кармане возвращенных ему брюк лежала только одна банковская карточка, кем-то положенная в карман так заботливо, что, хотя карман был вырван полностью, карточка в дыре как-то держалась, но и банкомата в вытрезвителе не было, и Шиша не был уверен, остались ли у него на карточке деньги, пользовался ею он редко. Договорились, что квитанцию пришлют домой – так, оказывается, можно, – и Шишу отпустили, он доехал до порта, раздал какие-то распоряжения, а в обед вызвонил Химича и предложил продолжить поминки, раз уж такой повод. Поминали теперь у Шиши дома, по барам ходить обоим не хотелось, и Шиша сам заговорил об отце Химича – вот, его менты убили, а меня ограбили, и я рад, что живой, но какая-то это неправильная жизнь, когда живешь, как на оккупированной территории и радуешься, что тебя сегодня не убили. Химич соглашался и, поскольку отца самоубийцей больше считать не хотел, а соседку знал с детства и тоже не хотел на нее сердиться, думал и говорил теперь только об участковом, что вот же гнида, убил отца, и премию, наверное, еще за это получит, а даже если не получит, все равно у него все будет хорошо, доживет до старости, умрет уважаемым человеком. Были бы мы на Кавказе, можно было устроить кровную месть, но кровной мести у нас нет.

И тут Шиша сказал:

– А пусть будет. Пусть у нас будет кровная месть. Фамилию участкового знаешь? А отец у него есть? А кто у него отец? А давай он тоже умрет?

Химич знал только фамилию участкового – Романовский. Про отца Шиша обещал выяснить сам. Разговор, конечно, пьяный и ни к чему не обязывающий, но Шиша обещал.

4

В телевизоре плакала певица Максим. Шиша сделал погромче.

– По карманам не шарим, мы же не грабители, – Химич удивился, он и не думал шарить по карманам. Поднял глаза на певицу Максим – она плакала, но пела.

– Смотри, – Шиша достал откуда-то из-за телевизора явно не очень новый, но оттого имеющий еще более представительный вид карабин. – Оружие. Теперь у нас есть оружие. И теперь побежали.

Вышли на улицу – темно и тихо, – Шиша осторожно закрыл за собой дверь, сели в Шишину машину, поехали.

Певица Максим перестала плакать, и на экране появился Дима Билан. Сторож муниципальной автостоянки Сергей Дмитриевич Романовский лежал на полу, и если внимательно посмотреть на его горло, можно было увидеть еще красный след от стального троса, которым Химич, набросив его Романовскому сзади на шею, придушил его сначала до потери сознания, а потом и до смерти.

А если внимательно посмотреть на пол вокруг лежащего Романовского, то можно было увидеть большую лужу жидкости. Это не кровь, это моча.

Карабин оставили в багажнике, машину – у шлагбаума перед просекой, ведущей к морю. Оба разулись, поднялись на дюну, сели на песок, не глядя друг на друга. Молчали.

– Я тебя поздравляю, – сказал Шиша. – Ты отомстил. А я еще нет. Поможешь?

Химич посмотрел на море.

– Я убил человека. Вот этими руками убил.

Пауза.

– И ты знаешь, я вообще ничего не чувствую. И что отомстил, нет радости, и что убил, нет жалости. Нет вообще ничего, так странно.

– А мент человек? – уточнил Шиша.

– Он отец мента, а не мент.

– Ха, я же тебе не сказал. Он мент, он майор, на пенсии три с половиной года. Был начальником ППС в Октябрьском районе. А мне ты можешь?

– Мент не человек, – сказал Химич. Шиша встал и начал раздеваться – май, купаться уже можно. Побежал вниз к морю, Химич остался на дюне.

5

Новость об убийстве сторожа муниципальной автостоянки Романовского в хронике происшествий шла одной строчкой через запятую с ограблениями и ДТП. Расстрел экипажа патрульно-постовой службы Октябрьского района – это уже была общегородская сенсация. Неизвестный вызвал милицию на улицу Тенистая аллея – звонил из будки, сказал, что напали хулиганы. Машина приехала, встала у будки, и дальше три выстрела и три попадания – водитель и двое милиционеров.

Стреляли из укрытия – за телефонной будкой был заросший сад, Шиша прятался в саду, и милицейская собака не смогла взять след, потому что на земле была рассыпана хлорка. Оружия при убитых найдено не было, то есть в руках неизвестных преступников оказалось три пистолета и автомат. О том, что автомат уже сработал, выстрелил через полтора часа после расстрела экипажа, в милиции знали, но в сводку для пресс-службы эту новость решили не включать во избежание паники, и, слушая утром по радио новости, Химич удивлялся – неужели гаишников еще не нашли. Машина ДПС стояла на десятом километре «приморского кольца», новой трассы, ведущей к морю, и с гаишниками все получилось как будто само. Когда они их остановили, Шиша вместо «здравствуйте» дал очередь, а потом вышел и расстрелял второго, который сидел в машине и, кажется, даже не успел испугаться. Теперь у Шиши и Химича было уже пять пистолетов, а в областном УВД была паника, и в правительстве области тоже.

Москву проинформировали только в общих чертах, и оперативное совещание у губернатора прошло вполне дежурно – начальники УВД и УФСБ пообещали всех поймать и разошлись, а губернатор, оставшись один, набрал с мобильного еще один номер и назначил новую встречу на полдень.

Богдан Сергеевич приехал раньше назначенного времени – оказалось, слегка перепуган и он. Президент фонда поддержки ветеранов спорта, чемпион области по боксу 1988 года в легком весе и при этом монопольный экспортер янтаря и импортер табачных изделий – о Богдане Сергеевиче говорили, что он «известен в определенных кругах» под именем Брюква, но на «Брюкву» он давно не откликался, предпочитая имя-отчество. Вот и губернатор, усадив его напротив себя, просто спросил:

– Богдан Сергеевич?

Богдан Сергеевич вопрос понял. Он ответил, что убийства милиционеров стали сюрпризом и для него самого, и он надеется, что никому не пришлось в голову как-то связывать случившееся с его именем. Губернатор поморщился:

– И в мыслях не было, что это вы. Но вы всегда знаете больше, чем я. Просто скажите – кто это мог быть. Зачем, почему?

Богдан Сергеевич засмеялся:

– Вы позволите называть вас дневным губернатором? Не обижайтесь, просто мне еще не приходилось консультировать органы власти по вопросам уличной преступности. Тем более такой случай, – Богдан Сергеевич замолчал, потом повторил: – Не обижайтесь. Вы же отсюда рано или поздно уедете, а я по доброй воле – никогда. Родная земля, мне здесь жить. И я, может быть, больше вашего хочу, чтобы никто здесь людей по беспределу не убивал.

Губернатор, который сюда действительно приехал пять лет назад из Москвы, назначенный президентом, и надеялся хотя бы после второго срока уйти на повышение, ничего не ответил. Бандитов он не любил, и ему не нравилось, что сейчас в своем собственном кабинете ему приходится разговаривать с бандитом с позиции почти просителя. Ночной губернатор продолжал:

– Я сейчас скажу: давайте мы их сами поймаем и убьем, но если я так скажу, то это поставит вас в неловкое положение, а этого я не хочу. Поэтому лучше закончить и попрощаться, разговор у нас с вами важный, но сказать нам с вами друг другу нечего. Беспредельщиков у нас нет, и людей, которые просто так будут убивать милиционеров, в области тоже никогда не было, я таких людей не знаю. Если это какие-то приезжие так добывают оружие, то мы с ними очень скоро встретимся. А если это политика, то я вам просто пожелаю удачи. Вам, да и себе – еще неизвестно, кому из нас нужнее политическая стабильность в регионе.

– Политика? – губернатор поднял на Богдана Сергеевича глаза. – Вы считаете, что это может быть политика?

– Я ничего не считаю, – вздохнул ночной губернатор. – Но настоящую политику я себе именно так представляю – чтобы взять автомат и стрелять представителей власти одного за другим. Другой политики не бывает, это клоунада, а не политика, когда не стреляют.

– Никогда об этом не думал, – честно ответил губернатор.

– Вот такой вы, значит, политик, – улыбнулся Богдан Сергеевич.

6

В Москву Химич не возвращался – позвонил на работу, сказал, что не может пока оставить мать, начальник отнесся с пониманием и обещал не потерять трудовую книжку, «приезжай когда сможешь». С новой работой помог Шиша, да как помог – просто взял к себе и назначил зарплату. Должность называлась «менеджер по логистике», надо было фиксировать в компьютере передвижения контейнеров с грузом, ничего сложного, да еще и кабинет в здании старого портового элеватора.

В элеваторе был подвал, в подвале были помещения для ценных грузов – несколько небольших комнат с толстыми железными дверями. Химичу Шиша выдал ключи от трех таких комнат. Везде было пусто, но в одной комнате был железный пол, и под листами пустое пространство. В это пространство Шиша сложил все оружие, которое у них теперь было – карабин, автомат и пять пистолетов. Порт – режимная территория, и на въезде положено предъявлять милиционеру прaporщику салон и багажник, но Шишу прaporщик знал и давно перестал проверять его машину, поэтому провезли все спокойно, а потом еще Шиша однажды выезжал с пистолетом – посреди рабочего дня, как бы на обед. Это было, как они решили, последнее приключение. Шиша приехал домой к капитану Борисюку, тому дежурному из вытрезвителя, который «сейчас ты у меня отсосеешь». Позвонил в дверь, сказал, что электрик, проверяет проводку, Борисюк его впустил и, конечно, не узнал. Шиша застрелил его прямо в прихожей и сразу же вернулся в порт. Седьмой труп за две недели, нормально.

Вечером ездили пить пиво на ту же дюну, что и после Романовского. Химич вздыхал – вот же пути Господни, приехал похоронить отца, в результате стал настоящим бандитом. Шиша сердился – не знаешь ты бандитов, бандиты – это кому у нас полпорта принадлежит, я тебя как-нибудь познакомлю. А мы не бандиты, мы просто люди.

– Люди, – повторял за ним Химич, как будто впервые услышал это слово. – Мы люди, да.

Почему-то звучало очень непривычно.

7

Дальше случилось что-то совсем непонятное. Два обгорелых милицейских труп в сожженной патрульной машине в Гусевском районе – это час езды от города. По радио взволнованно говорили, что в области продолжается серия загадочных убийств милиционеров, и что возбуждено уголовное дело по террористической статье. Шиша вызвал Химича к себе в кабинет и издевался – признавайся, что это ты остановиться не можешь, едешь по области и сжигаешь мусоров, – и хотя смеяться было, наверное, не над чем, все равно было смешно. Драма, авторами которой были они двое, начала жить собственной жизнью, а они становились просто зрителями. «Мы просто люди».

Если бы кто-нибудь искал мотив гусевского убийства, то, наверное, стоило бы изучить протоколы районного ОВД за последний хотя бы месяц. Происшествий в Гусевском районе было немного – мелкие ограбления да пьяные драки, но тем и легче, потому что смерть в этом месяце была только одна. Пенсионер Клопов Станислав Николаевич был задержан, как сказано в протоколе, за то, что нецензурно ругался в общественном месте. Понятно, что это могло значить что угодно, но в отделение его совершенно точно доставили, был составлен протокол, но подписать его Клопов не успел, потому что, и это уже написано в другом протоколе, он внезапно почувствовал себя плохо, дежурный вызвал скорую и сам попытался оказать задержанному медицинскую помощь, но прибывшая бригада врачей смогла уже только засвидетельствовать смерть от легочной недостаточности. Легочная недостаточность – это когда бьют в грудь и в живот, и хотя в протоколе этого сказано, конечно, не было, начальник ОВД, распорядившийся провести по факту смерти задержанного служебную проверку, дежурного отругал и попросил впредь быть сдержаннее, потому что в этот раз обошлось, а в следующий может быть и скандал, затаскают.

Сын Клопова Паша таскать никого никуда не умел, мысль о жалобе в милицейское управление собственной безопасности казалась ему издевательством, но, похоронив отца и не сомневаясь, что отец был именно убит, сразу решил, что будет не то чтобы мстить, но, по крайней мере, ответит. Рассказал о своей идее однокласснику Альгису, Альгис поддержал, нож – мясницкий, самозатачивающийся, – купили в областном центре на рынке, и той ночью, когда Альгис постучался в милицейскую машину у въезда в городок, все получилось даже легче, чем ждали. Альгис держал, Паша резал, потом бутылка бензина, и когда полыхнуло, они уже убегали. Нож бросили в реку, окровавленные джинсы сожгли. Заночевал Паша у Альгиса – и ближе, и мать с расспросами не полезет. Утром слушали радио, было весело.

8

Год назад в Москве обезумевший милиционер Евсюков пришел ночью в супермаркет и, гуляя между полками с едой, расстреливал из пистолета ночных покупателей – раз, два, три, четыре. Был скандал, говорили, что снимут министра, но министр как-то выкрутился и даже выступил по телевизору с такой странной речью, что, дорогие россияне, если вы видите милиционера, который делает что-то, что кажется вам нарушением закона, то я, министр, разрешаю вам оказать такому милиционеру сопротивление, имеете право.

Восемь милицейских трупов и один труп отставного милиционера – даже если министр разрешил, для одной области это слишком, да и сам министр вел себя так, будто ничего он в прошлом году не разрешал, звонил начальнику областного УВД и даже не ругался, а недоумевал – что там у вас происходит, разберитесь, меня президент уже спрашивает, ЧП. Начальник УВД отвечал, что работа идет, всех скоро поймают, волноваться не надо.

И он действительно так думал, Андрей Сергеевич Гончаренко, генерал-майор МВД и начальник областного УВД с 2001 года. Ему было 59 с половиной лет, до пенсии оставалось несколько месяцев, и убийства милиционеров во вверенной ему области загадочными ему не казались. Вслух он об этом никому не говорил, но и на совещаниях у губернатора, и вот сейчас, когда позвонил министр, он отвечал одно и то же – не надо волноваться, всех поймаем, – хотя имел в виду кое-что другое.

Да, он был уверен, что все скоро закончится и даже мог назвать точную дату, когда убийства прекратятся – 29 сентября, день его рождения, когда ему исполнится шестьдесят, и он выйдет на пенсию. Когда на Тенистой аллее расстреляли экипаж ППС, он сразу понял, что это ему, это для него, он единственный адресат этого послания. Война с Федеральной службой безопасности, которую он вел шесть лет назад, и которую он проиграл, ожидаемо продолжилась теперь, и он не удивился, он всегда знал, что случится что-то в этом роде. Шесть лет назад его подбили на взлете – буквально за пять минут до того, как он должен был стать настоящим хозяином области, то есть, как теперь Богдан Сергеевич, ночным ее губернатором, крупнейшим тайным бизнесменом и, как следствие, крупнейшим теневым политиком. Слово «силовики» тогда уже звучало как политический термин, и в масштабах области силовиком номер один был он, оставалось только протянуть руку и конвертировать свое силовое могущество в настоящую власть и настоящие деньги. И те убийства начались тогда точно так же, как нынешние – некто неуловимый взялся каждый день убивать людей из «Свечи». Просто подходили, стреляли и исчезали – каждый день.

«Свеча» – это вообще-то была аббревиатура. «Союз ветеранов Чечни», крупнейшее в области охранное агентство и с некоторых пор – личная армия начальника УВД. Когда его прислали в область из Нижневартовска, он сразу подружился с Олегом Буйновским, лидером «Свечи», который тоже понимал, что наступают какие-то новые времена, и искал себе союзника где-нибудь во власти. Подарил генералу Гончаренко квартиру, генерал подарок принял, дружбу можно было считать свершившимся фактом, тем более что генерал и сам успел в первую кампанию повоевать в Чечне, и на этом основании был принят почетным членом в «Свечу». Термин «качели Гончаренко» появился тогда же и значил, что с какого-то момента любой бизнесмен в области начинает буквально качаться на качелях, переходя из нижней точки, когда к нему приходит милиционер и предупреждает об уголовном деле, в верхнюю, в которой никаких уголовных дел уже нет, зато есть наклейка со свечой на двери магазина или офиса, означающая, что бизнес теперь находится под защитой ветеранов.

Продолжалось это чуть больше года, и, наверное, было ошибкой клеить наклейку на офис областного газового монополиста, потому что газовая вертикаль уже стала силь-

нее милицейской, а генерал не заметил, и первые расстрелянные из «Свечи» – это были как раз двое, приехавшие что-то разруливать с газовиками. Их расстреляли прямо на крыльце офиса, и потом началось – каждый день, буквально каждый, до той самой ночи, когда и Буйновского, выходявшего из ночной пиццерии, расстрелял из автомата мотоциклист в черном.

И наутро после этих выстрелов генералу позвонил его коллега или, как чаще называли – сосед, генерал Сорока из областного УФСБ. Пригласил встретиться, говорили вообще ни о чем, то есть даже не о погоде, а о каких-то светских новостях из телевизора и о мощах канонизированного адмирала Ушакова, которые как раз тогда должны были привезти в новый храм в областном центре. Только на прощание Сорока, пожимая руку Гончаренко, сказал таинственно, что жаль, конечно, что свеча так быстро погасла – в устной речи кавычек не бывает, но милицейский генерал сразу понял, о чем идет речь, и, повторив за соседом, что да, жаль, объявил о капитуляции – больше его амбиции никогда не выходили за пределы сугубо милицейских вопросов, и эти шесть лет стали для него, как он сам это сформулировал, периодом дожития – ни на что не претендовать, ничего не хотеть, никому не мешать.

А теперь они убивают милиционеров, и это естественно, потому что не бывает так, чтобы тот, кто сильнее, навсегда остановился на разделительной линии. Нет, сильный будет наступать – так и он, Гончаренко, рано или поздно перешел бы в наступление на соседей, если бы они не затушили его свечу. Вероятно, у Сороки уже есть свой кандидат на место начальника УВД, и, расстреливая милиционеров, он лишает Гончаренко возможностей отложить выход на пенсию, готовит почву для триумфального назначения преемника. Пусть готовит, осталось меньше пяти месяцев. Потом все закончится – в этом генерал Гончаренко не сомневался.

И он бы очень удивился, если бы узнал, о чем сейчас думает генерал Сорока, потому что Сорока, конечно, имел виды на милицееское управление, и своего зятя, молодого полковника из Краснодарского УФСБ он уже перевел к себе, чтобы тот мог войти в курс местных дел перед тем, как его назначат начальником УВД – но и все, больше никаких интриг Сорока не строил, и убийства милиционеров сбили с толку и его. Кто их убивает, зачем? Говорили об этом с губернатором, и губернатор, на которого произвела впечатление политическая теория Богдана Сергеевича, хоть и не поделился ею с Сорокой, но сказал ему, что было бы неплохо выяснить, нет ли тут какого-нибудь экстремистского следа, а то мало ли – распоясались ведь в последнее время, распустились.

9

О чем Химич никогда не рассказывал Шише – Химич писал рассказ, а может быть, повесть, а может быть, роман, или даже снимал кино. Он сам так и не определился с жанром. Наверное, надо начать с того, что на самом деле он ничего не писал и не снимал – просто когда было свободное время, сидел и придумывал. Какая разница, где книга – у тебя в руках или в голове?

Книга (или фильм, но скорее книга, потому что Химич мысленно проговаривал текст) называлась «Кубик Рубика», и на этот счет в ней была специальная глава, лирическое отступление, что русская история – она как кубик Рубика, в котором ячейки можно переставлять местами в каком угодно порядке, кубик все равно так и будет кубиком, все останется на месте. Действие происходило в девятнадцатом году где-то в России, уездная Чека – старый особняк с забором, обтянутым колючей проволокой, часовой у входа, гараж, в котором расстреливают, заводя автомобиль, чтобы на улице не было слышно криков и выстрелов. Во дворе уборная, и в ней иногда топят арестованных – окунают в яму и держат, потом поднимают, и если жив, то все подписывает.

И начальник Чеки, в разных вариантах у Химича он был то евреем, то латышом – усталый, чернявый, в пенсне, по-русски говорит с акцентом, и к нему приводят на допрос очередного арестованного – в грязной белой рубаше, истерзанного, в крови. И вот начальник его спрашивает – Ты кто?

– Сидоров Иван Иванович, – отвечает арестованный.

– Откуда?

– Из города Гусева.

– Здесь как оказался?

– Ехал домой от тетки, перестали ходить поезда, сидел на вокзале, тут подошли ваши бойцы, забрали.

– В Гусеве кем работаешь?

– Слесарь в железнодорожных мастерских.

Молчание. Усталый чернявый в пенсне шелестит бумагами. Что-то ищет. Нашел.

– А вот товарищи из Гусева пишут, что Иван Иванович Сидоров вовсе не слесарь в железнодорожных мастерских.

– Да слесарь я, слесарь, – человек в рубаше чувствует неладное и начинает блажить, но чекист достает из вороха бумаг фотографию – может быть, она вернет Сидорову память?

На фотографии Иван Иванович Сидоров – в форме МВД Российской Федерации с погонами майора. Сфотографирован на фоне двери, и на двери табличка – «Начальник ОВД майор Сидоров И. И.» Вот и все.

– Слесарь, да? – чекист прищелкивает пальцами, что на языке чекистских жестов значит – «в расход». Орущего Сидорова уводят двое с винтовками, и он уже знает, что сейчас в гараже заведут автомобиль. А в кабинет заводят нового человека – кажется, популярного телеведущего. Чекист изучающе смотрит ему в глаза – ну-с, что ты мне сейчас наврешь?

10

Нацболы, «Левый фронт», «Славянское братство», ДПНИ, РНЕ, «Балтийская республиканская партия», торговец антиквариатом со специализацией на немецко-фашистском наследии, двое родноверов, они же – открытая гей-пара, и еще человек из международной НКО, не местный, но давно тут уже работает. Всего десять человек – это первые, о ком пришлось вспомнить.

Генерал Сорока – в штатском, высокий, красивый, сидит в главе стола, смотрит то влево, то вправо. Зацепился взглядом за антиквара, уставился ему в глаза – все, есть контакт, теперь можно поговорить.

– Я, конечно, извиняюсь, что мы вас всех так сюда выдернули, – тихо кашлянул, как будто волнуется; всех десятерых в течение дня задержали оперативники управления, доставили силой. – Надеюсь на ваше понимание – от методов моих подчиненных я и сам не в восторге, пробовал перевоспитывать, но вы видите – все без толку. Я хотел вас всех сюда пригласить по-человечески, без лишних формальностей. У нас, знаете, когда-то была такая практика неофициальных бесед, и вот сейчас мне бы хотелось, чтобы мы с вами провели неофициальную беседу. Я буду очень вам благодарен, если все, что вы здесь услышите, останется между нами, но, конечно, никаких подписок брать с вас не собираюсь, просто надеюсь на вашу порядочность.

Последний раз такую речь генерал Сорока произносил лет, наверное, тридцать назад в УКГБ другой, давно уже заграничной области, когда накануне московской Олимпиады пришлось срочно выдворять из страны безобидного областного диссидента, и Сорока, тогда всего лишь старший лейтенант, инструктировал его на предмет того, что если он будет там за рубежом много себе позволять, то руки у нашего ведомства длинные, найдем и обезвредим.

Теперь он генерал, но и диссидентов перед ним – десять, то есть нужно в десять раз больше обаяния, в десять раз больше улыбок, в десять раз больше убедительности. Обстановка, приближенная к боевой.

– Почти со всеми вами нам уже приходилось разговаривать по разным поводам. Давайте говорить прямо, в друзья я к вам не набиваюсь и о любви не прошу. Цели у нас с вами разные, интересы не совпадают, и вы наверняка уверены, что разговаривать вам со мной не о чем.

Пауза.

– Но вы ведь знаете, что сейчас происходит у нас в области. Не было такого никогда, случай беспрецедентный. Какие-то подонки объявили войну правоохранительной системе. Есть версия, что речь идет об умышленной дестабилизации социально-политической обстановки в регионе.

Снова пауза.

– Мы найдем их. Область маленькая, со всех сторон государственная граница, убежать они никуда не смогут, работает милиция, работает Следственный комитет, работаем мы. Но именно в порядке дружеской беседы я хотел бы поинтересоваться вашим мнением по поводу происходящего. Что вы об этом думаете, что знаете, что слышали.

Первым заговорил представитель НКО, который сказал, что его веселит ситуация, когда начальник областного УФСБ собирает у себя всех известных ему врагов государства и намекает, что ждет от них признания по поводу серии преступлений – «нет, я догадывался, что в вашем ведомстве все обленились, но чтобы до такой степени – этого и представить не мог».

Ну и дальше пошел совсем балаган, как на телевизионных ток-шоу. Геи-родноверы сказали, что, наверное, милиционеров убивают какие-то другие милиционеры, которые с ними чего-то не поделили. Человек из «Славянского братства» предположил, что в регионе появилось исламское бандподполье, и если генерал согласен, то братство поможет правоохранным органам навести порядок хотя бы на продовольственных рынках региона, а можно и на вещевых. Нацбол сказал, что, наверное, милиционеров убивают западные спецслужбы. Антиквар сказал, что бытовуха. Больше никто ничего не говорил.

Сорока сделал несколько пометок в блокноте, поблагодарил всех высказавшихся и, заканчивая встречу, посоветовал своим гостям, по крайней мере, до поимки преступников хотя бы немного снизить свою общественно-политическую активность, потому что любые проявления экстремизма, «даже те, которые совершаются во благо», сегодня на руку преступникам.

Рук на прощание никто никому не жал, расходились по одному.

11

«Вконтакте» Шиша пользовался не очень активно – в основном смотрел кино и слушал музыку, – но страничка пользователя Alice Murderdoll как-то сама собой попалась ему на глаза, да и не могла не попасться, наверное. Фотографии пользователя нет, запись единственная – зато какая. Он быстро прочитал и по внутреннему телефону позвал Химича – беги скорее, тут такое.

Такое – это был короткий текст. Заголовок капсом: «СООБЩЕНИЕ ШТАБА ОТРЯДА ПРИМОРСКИХ ПАРТИЗАН».

– Партизаны, ты понял, а? – но Химич уже читал сам:

«Дорогие земляки!

Мы, приморские партизаны, взяли в руки оружие, чтобы положить конец милицее-скому беспределу, который кроме нас остановить некому. Нам говорят о лихих девяностых, но кто скажет о лихих нулевых? Бандиты давно переоделись в костюмы и галстуки, их бизнес никак не касается нашей жизни. Вместо бандитов теперь милиция.

Ты видишь милиционера – ты боишься встретиться с ним взглядом. Ты не ждешь от него защиты, сама милицеевская форма – знак смертельной опасности. Он избьет тебя, ограбит или даже убьет, и ему ничего за это не будет.

Теперь будет. Пусть каждый милиционер знает – теперь мяч на стороне гражданина. Теперь ваша очередь бояться, господа милиционеры. Мы не угрожаем и не пугаем, просто знайте – разговор теперь будет простой. Задержал человека ни за что – получи пулю. Ударил человека – получи пулю. Накричал на человека – получи пулю. Не улыбнулся человеку – получи пулю.

Пуля – вот ответ, который гражданин дает теперь милиционеру. Справедливая и честная пуля от честных граждан России. Пуля – наш закон, пуля – гарантия от милицеевского произвола. Покажи наше письмо всем своим знакомым, если среди них есть милиционер – пусть он покажет своим. Мы будем стрелять по кокардам. На нашей улице начинается праздник пули. Поздравляем всех честных граждан с праздником».

И подпись – снова капсом: «ШТАБ ОТРЯДА ПРИМОРСКИХ ПАРТИЗАН».

– Наверное, те чуваки из Гусева, – сказал Химич.

– Или просто подстава.

– А чего подстава? Кого таким письмом подставишь?

– Да хоть нас с тобой. Перешлем его друзьям, вычислят по айпишнику, и доказывай потом, что мы не партизаны.

– А мы разве не партизаны?

– Черт, забыл.

Рассылать письмо все равно никому не стали, мало ли что, а спустя два дня в областное УВД придет ответ из администрации социальной сети «Вконтакте», что профиль «Alice Murderdoll» был заведен одновременно с публикацией воззвания и больше никогда не использовался, причем неизвестный, опубликовавший текст от имени партизан, пользовался анонимайзером «Хамелеон», и поэтому установить его местонахождение не представляется возможным; до сих пор неизвестно, кто написал этот текст и что он на самом деле имел в виду.

12

Химич «ВКонтакте» пользовался тоже – личной жизни в родном городе у него так и не возникло, ждать, пока просто повезет, было скучно, а лучший сайт знакомств, он знал – социальная сеть. Начал с одноклассниц, но это была, конечно, ошибка, хотя Химич был в курсе железного правила самой красивой девочки в классе, согласно которому спустя определенное количество лет она обязательно раньше всех превращается в самую страшную, самую толстую и самую усатую тетку, но в реальности было все еще хуже. Допустим, Химич и тридцать его одноклассников, тайно вздыхавших по одному и тому же адресу, дружно ошибались, и настоящей самой красивой девочкой в классе была кто-нибудь другая, но и если исследовать проблему с конца, то есть искать самую красивую девочку на основании нынешних вконтактовских фотографий, все равно получалось черт знает что – по железному правилу выходило, что они все были тринадцать лет назад самыми красивыми, потому что теперь в равной мере все были чудовищными, и ладно бы просто растолстели и перестали прокрашивать корни волос, но ведь еще и фотографировались, держа в ладони закатное солнышко над морем, или ложились, раскорячившись, на асфальт, явно символизируя что-то сугубо эротическое, или позировали на фоне дай Бог если чужих автомобилей с такой аэрографией на капоте, что Химич убежал бы от этой аэрографии в большем ужасе, чем когда они с Шишей убивали сторожа Романовского.

С остальными девочками из прошлого было не лучше. Соседка на четыре года моложе, с которой он однажды курил траву у железнодорожного переезда возле ботанического сада, и которая хвасталась ему своим пирсингом и слушала «Мумий тролля», превратилась в серьезную делопроизводительницу областного правительства, сделала себе сенаторскую прическу и ездила отдыхать в Турцию. Девочка, с которой он после очередного Дня города сначала пил водку в развалинах довоенной аптеки, а потом в тех же развалинах с ней переспал, выглядела, может быть, приличнее остальных, потому что стала, как он понял, дизайнером, но ее, к сожалению, посетила дизайнерская болезнь, то есть года, может быть, два назад она уехала жить в Гоа, и хотя уже вернулась, Химич ей писать не стал, потому что видел ее вконтактовский фотоальбом «Мой гоанский сувенир», в котором его счастливая старая подруга помещала фотографии мулатистого младенца – собственно гоанского сувенира. Дочка маминой подруги, знакомая Химичу по какому-то совсем раннему ее детству, когда они с мамой ездили к той семье за город, и маленькая девочка показывала ему десятилетнему, как она кормит поросят, теперь превратилась в таксистку и, судя по облику, лесбиянку. Девочка годом старше Химича, жившая в его доме этажом выше, стала милиционером – он механически подумал, мог ли бы он ее застрелить, и, хотя решил, что мог бы, интереса не проявил и к ней. «Надо забрасывать свою удочку где-нибудь в другом месте», – говорил в таких случаях Шиша, главным достижением которого, как он рассказывал, был нос, сломанный им своей бывшей невесте, заразившей его год назад хламидиозом. Надо было искать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.